

Б.Ф.Мартынов

Феномен «монроизма» и «КОГНИТИВНЫЕ ДИССОНАНСЫ»

В данной статье, написанной в преддверии 200-летнего «юбилея» Доктрины Монро, рассматриваются особенности правовой и политической культуры стран Запада во главе с США, культуры, коренным образом отличающейся от той, которой придерживаются Россия и государства Латинской Америки. Автор приходит к выводу о том, что феномен «монроизма», основанный на особенностях англосаксонского правосознания, имеет непреходящее значение и, видоизменяясь, постоянно присутствует в политических практиках США и других стран англосаксонского мира. Поскольку система основана на прецеденте, то она ориентирует правоприменителя на извлечение максимальной выгоды, и, соответственно, методом правоприменения является избирательность. Отсюда — и свободно применяемая практика двойных стандартов. В качестве примеров такой политики автор рассматривает, сравнивая их между собой, казусы образования государств Панама (1903 г.) и Косово (1999 г.), а также политику Великобритании в отношении коренного населения о. Диего-Гарсия (1966 г.) и Мальвинских (Фолклендских) островов (1982—2013 г.). Представляется, что не учитывать то обстоятельство, что «когнитивные диссонансы», основанные на различиях в правовом сознании между Россией и англосаксонским миром, носят объективный и постоянный характер, было бы ошибкой.

Ключевые слова: правовые системы, правосознание, англосаксонский мир, Доктрина Монро.

DOI: 10.31857/S0044748X0029112-2

Статья поступила в редакцию 19.05.2023.

Когда в мои руки попала монография российского историка В.В.Согрина «Американская цивилизация» [1], внимание сразу привлекли слова, написанные на обороте ее обложки о том, что «это — первая в отечественной литературе книга о США, основанная на цивилизационном подходе». «Но, как же так?» — подумал я. «Первая, основанная на цивилизационном подходе?! Неужели до сих пор таким важным материям, как

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Университета МГИМО МИД РФ (РФ, 119454 Москва, Пр-т Вернадского 76, <https://orcid.org/0000-0002-8459-2466>, bfmartynoff@gmail.com).

национальная психология и особенности политической и правовой культуры американцев (а именно эти материи лежат в основе понятия «цивилизация») мы, несмотря на наличие мощного академического института — Института США и Канады — и целой когорты уважаемых ученых-американистов, до сих пор не уделяли внимания?

Оказалось, что нет. Но это и неудивительно. В упрощенной марксистской формуле «политика есть концентрированное выражение экономики» практически не находилось места для таких «зыбких» материй, как национальная культура, индивидуальная и общественная психология, национальные комплексы и фобии и национальное правосознание. Во всяком случае марксисты традиционно относили эти материи к категории «надстроечных», т.е. заведомо зависимых от экономики категорий. Да и исторические реалии в этой формуле практически всегда занимали не особо важное место. Реальная жизнь, однако, доказывает нам, что все обстоит «с точностью до наоборот». Отсюда берет свое начало и наше непреходящее удивление, сквозящее буквально в каждом «ток-шоу» на любом ТВ-канале и в Интернете по поводу «неожиданного», «странного», «иррационального» и т.д. поведения наших бывших западных партнеров.

Настала пора перестать удивляться и начать называть вещи своими именами. Когда мы говорим о когнитивных диссонансах, в первую очередь, говорим о сфере познания в целом, а она не сводится исключительно к экономике, политике, социологии и пр., а преодолевает их на более высоких ступенях гнозиса. Здесь стоит привести слова Концепции внешней политики России (в редакции от 31 марта 2023 г.) о «деградации культуры диалога» в международной сфере и об «остром дефиците доверия и предсказуемости» в международных делах [2]. «Доверие» и «предсказуемость» — это такие материи, которые относятся, скорее, к сфере духа, чем к материальной. Их отсутствие — следствие все углубляющихся когнитивных диссонансов в мировой политике, когда стороны говорят, казалось бы, об одном и том же, но суть вещей понимают совершенно по-разному.

Цель данной статьи состоит в выявлении юридических, психологических и культурно-исторических основ переговорных позиций «партнеров» из англосаксонского мира, с которыми отечественным дипломатам и переговорщикам приходится иметь дело.

США и другие англосаксонские государства выделены в Концепции внешней политики России от 2023 г. в отдельное направление, что представляется актуальным, хотя можно допустить, что составители этого документа сами еще не до конца осознали его подлинный смысл. Ироничная (но подозрительно быстрая) реакция на это посла США в Москве Линн Трейси, которая предположила, что в таком случае можно было бы «оживить», например, «варягов», на наш взгляд, была весьма показательной. Дело здесь, однако, не в языке и не в расе, как это могло бы показаться на первый взгляд: в этническом плане США — это действительно полиэтническая и многонациональная страна. Принадлежность к англосаксонскому цивилизационному архетипу предопределяется, на наш взгляд, не этим, а общей для всех «народов, говорящих на английском языке» (Уинстон Черчилль) политической и правовой культурой, которая основывается на си-

стеме английского «общего права» (*Common Law*). За столетия, прошедшие со времени окончательного оформления этой системы (XIII—XIV вв.), ее составляющие как раз и стали главным элементом того гнозиса, с которым представители этого цивилизационного архетипа, независимо от расы, пола, профессии, социального статуса и пр. подходят в наши дни к осмыслению мировых реалий. Исторический праксис «англосаксов» — лишь верхушка этого «айсберга».

Исследований на эту тему у нас пока явно недостаточно. Из зарубежных трудов выделяется переведенная на русский язык работа французских ученых Р.Давида и К.Жоффре-Спинози «Основные правовые системы современности». Эти авторы проводят четкую грань между основанной на прецеденте системой *Common Law* и кодифицированной «континентальной» (или «романо-германской») правовой системой, куда, кроме России, Китая и стран Латинской Америки, входят государства континентальной Европы. Говоря об английской системе права, к которой принадлежат США и другие англоязычные страны, ученые принимают за ее слабую сторону то, что политическая целесообразность и утилитаризм ставятся выше, собственно, права. В континентальной же системе «не конкретные примеры, а законы имеют юридическую силу» (*Non exemplis, sed legibus juicandum sunt*) [3, с. 113]. «Английское право, — добавляют Р.Давид и К.Жоффре-Спинози, — это не право принципов. Это — право процессуалистов и практиков». «Английский юрист, как правило, с недоверием относится к тому, что считает пустыми словами: чего стоит какое-либо положение или принцип, если на практике не существует способов для его осуществления?». Отсюда следует и то, что «англичане не воспринимают европейских правовых норм. Они им кажутся часто общими принципами, выражающими какие-то пожелания морального порядка» [3, сс. 263, 266, 297]. С этой точки зрения людям, воспитанным в традициях «континентального» правосознания, может показаться странным признание британского дипломата К.Мейера: «Мы оставляем международное право юристам, остальное же (конкретную политику. — Б.М.) отдаем на потребу практике. Мы учим наших молодых дипломатов политике примерно так же, как животные учат своих детенышей охотничьим навыкам» [4, р. 10]. В контексте англосаксонского правосознания это утверждение вероятно не вызовет никаких вопросов.

Примечательно, что на отмеченном выше направлении социальных исследований специалисты по этике ведения бизнеса пока превосходят своих коллег — политологов и историков. Вот, что пишет, например, известный эксперт в области кросс-культурной коммуникации Р.Льюис: «Американцы — индивидуалисты, и им нравится действовать самостоятельно. Можно делать все, если это не запрещено... Американцы считают, что они самые лучшие. При этом многие американцы считают, что их правила являются единственно верными... Огромное значение они придают словам. Однако, когда они произносят такие слова, как «справедливый» (*fair*), «демократичный» (*democratic*), «честный» (*honest*), «хорошее предложение» (*good deal*), «ценность» (*value*) и «допустим» (*assume*), то считают, что *противоположная сторона вкладывает в них тот же смысл* (курсив автора)». Общаясь с американцами, предупреждает Р.Льюис, «не забывайте, что время — деньги», что они «часто используют клише» и что «их больше

интересует их будущее, чем ваше прошлое», а главное, советует этот специалист, — «ни слова против «американской мечты»!» [5 сс. 196-204]. Эту картину можно дополнить словами американца Ф.Закариа. В своей книге «Постамериканский мир будущего» он писал: «Национализм всегда приводил американцев в недоумение. Когда Соединенные Штаты влезали в какие-то конфликты за рубежом, они искренне считали, что пытаются помочь другим странам стать лучше. Реакция же народов — от Филиппин до Вьетнама и Ирака — на усилия США заставляла американцев врасплох. Гордость американцев за свою страну совершенно оправдана — мы называем ее патриотизмом, — но при этом американцы искренне удивляются, что другие люди гордятся своими собственными странами» [6, с. 55]. И еще: «Американцы плохо понимают мир за пределами своей страны. Они почти не знают иностранных языков, почти ничего не знают о зарубежных культурах и по-прежнему даже не думают о том, что эту ситуацию надо исправлять. Американцы редко сравнивают что-нибудь с мировыми стандартами, потому что убеждены: именно их путь самый лучший и самый прогрессивный... Американские политики постоянно и неразборчиво требуют, клеймят, накладывают санкции и проклинают целые страны за их ошибки и упущения. Только за последние пятнадцать лет Соединенные Штаты наложили санкции на половину населения планеты. Мы — единственная страна, которая издает ежегодный отчет о поведении других стран. Вашингтон похож на пузырь, раздутый от самодовольства, и здесь совершенно не понимают, что происходит во внешнем мире» [6, сс. 68-69].

Кто-то, наверное, мог бы возразить, что все эти характеристики недостаточно релевантны, ибо они стали следствием «момента однополярности», когда Вашингтон после «победы» (как считают американцы!) в холодной войне, почувствовал себя хозяином мира. Но вот что написал в журнале «Современник» в далеком 1836 г. российский поэт А.С.Пушкин: «С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих: Америка спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей ее географическим положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными... С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предвзятых рассуждах, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (*comfort*)» [7, с. 206].

Словом, если не предполагать существования «момента однополярности» в 1836 г., то легко прийти к мысли о наличии у американцев и англосаксов неких врожденных ментальных стереотипов, основанных на правосознании и исторически обусловленной культуре общения. Невольными жертвами этой последней стали американские индейцы. Вот, что А.С.Пушкин пишет дальше: «Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся, и пространные степи, необозримые реки, на которых сетями и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревьями, в торговые гавани, где задымятся пироскафы и развевается флаг американский» [7, с. 207].

«Согласно суждениям белых поселенцев, — отмечает в своей монографии В.В.Согрин, — индейцы, не имевшие понятия о собственности, могли занимать только те земли, которые непосредственно населяли и обрабатывали, но все иные территории, в том числе те, на которых местные племена охотились, были «ничьи». У белых с индейскими племенами возникали непрерывные земельные споры. Белые поселенцы были убеждены, что имеют все основания занимать «ничьи» земли, использовать, обращать и юридически оформлять их в свою собственность. Когда по поводу «ничьей» земли не удавалось договориться, белые поселенцы прибегали к силе оружия» [1, с. 19]. Добавим, что «ползучая» экспансия предполагала постоянное обнуление, иногда буквально на следующий же день, договоров, заключавшихся с индейцами, и в этом случае оперативность англосаксонской правовой системы «успешно» доказывала себя на практике.

Разумеется, нельзя не согласиться с В.В.Согриным в том, что «цивилизационные характеристики не являются некими монолитами, они видоизменялись в различные эпохи, чем пренебрегают многие американские и отечественные публицисты, политики, а то и квалифицированные обществоведы, наделяющие весь четырехвековой опыт Соединенных Штатов сегодняшними чертами американской цивилизации» [1, с. 13]. Однако тот же автор ниже отмечает, что «при всех различиях между разными типами (североамериканских колоний Великобритании — *Б.М.*) их жители следовали политическим и правовым установкам Англии, а колонисты... рассматривали себя как англичан, переселившихся из Старого Света в Новый» [1, с. 17]. Перенятая североамериканскими колонистами на заре становления США система английского прецедентного права (а иначе просто и быть не могло) неизбежно закладывала, таким образом, основы особого американского правового сознания и зиждущейся на нем особой политической и правовой культуры, которые, претерпевая изменения с течением времени, в основном сохранились и по сей день.

Идеальных наций, понятно, не бывает, у каждой есть свои недостатки, и мы, россияне, тоже не можем быть исключением. В этом плане внимание всех интересующихся этими вопросами не могут не привлекать работы отечественных социологов и юристов Э.Я.Баталова [8], В.О.Кочеткова [9], М.И.Лазарева [10], М.О.Мнацаканяна [11], А.В.Сергеевой [12], В.А.Тишкова, Ю.П.Шабаева [13] В.А.Туманова [14] и др. Из трудов этих авторов вытекает, что особые характеристики англосаксонского, в частности, американского цивилизационно-культурного архетипа, отличаются от нашего сугубо «континентального» правосознания и психогенеза. Более предметное изучение этих характеристик именно сейчас, думается, могло бы помочь нам лучше понять специфику внутренней и внешней политики США, Великобритании и их собратьев по англосаксонскому миру в лице Канады, Австралии и Новой Зеландии (они же называемые «пять глаз» Э.Сноудена). С этой точки зрения нам, вероятно, станут более понятны подлинные причины тех когнитивных диссонансов, которые чем дальше, тем больше, дают о себе знать на переговорах с представителями этого мира.

Таким образом, не может вызывать вопросов и происхождение Доктрины Монро, которая дошла до наших дней как «воля и представление»

США [15]. Ее характер был ясен еще в 1823 г. Римский принцип* — *pacta tertiі nec nocent nec prosunt* («договоры между двумя не распространяются на третьего») — был проигнорирован президентом и конгрессом США, которые распространили акт внутренней политики своего государства (послание президента конгрессу) на третью сторону (страны Латинской и Карибской Америки). С тех пор попытки подмены международно-правовой нормы внутривластными законами и практиками США происходили на регулярной основе. Негласный принцип англосаксонских политиков «право — юристам, практика — нам» пережил века, распространившись на новые сферы общественной жизни (историю, философию, экономику, культуру, мораль). Он стал демиургом сознания в тех странах, которые в силу разных обстоятельств, примкнули к англосаксонскому миру. Неудивительно, что под огнем этого, назовем его «монроистским», менталитета находится и другой основополагающий принцип, без которого международное право вообще теряет всякий смысл — *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»). Отсюда — и та головокружительная «легкость», с которой США выходят из подписанных ими международных договоров, и их попытки «отменить» международное право, заменив его, в угоду конкретного интереса, некими постоянно меняющимися «правилами». Очевидно, что и печально известная «культура отмены» могла зародиться только в рамках этого довольно специфического мировидения. «У нас, — писал Дж.О`Салливан, автор доктрины «предопределения судьбы» (*Manifest Destiny*) еще в 1845 г., — есть еще большее право, нежели любое, которое когда-либо может быть выведено из всех этих устаревших документов древнего международного права. Мы не нуждаемся во всех этих покрытых пылью бумагах о правах открытия, исследования, заселения, преемственности и т.д. Эти претензии основаны на праве, вытекающем из того, что нам предопределено судьбой распространить свое владычество на весь континент, который дарован нам провидением для выполнения возложенной на нас великой миссии устанавливать свободу и федеративное самоуправление» [1, с. 182].

«Отмена» международного права, задуманная Соединенными Штатами еще в позапрошлом веке, вернее, *de facto* «подмена» его основным постулатом англосаксонской правовой системы, суть которого простым языком можно было изложить так: «если очень хочется, значит можно», сегодня проявляется в полной мере. Главное в этом «новом-старом» миропорядке, как и в доктрине Монро, является отсутствие конкретики. В своей статье «О праве, правах и правилах» министр иностранных дел России С.В.Лавров написал следующее: «От расшифровки своих «правил» Запад тщательно уходит, как и от вопросов о том, зачем они нужны, если есть тысячи инструментов международного права, под которыми все подписались и которые содержат четкие обязательства государств и прозрачные механизмы проверки их исполнения. «Прелесть» западных «правил» — именно в отсутствии конкретики: как только кто-то поступает вопреки воле Запада, тот

* Именно римское право, дошедшее к нам через записи средневековых юристов, стало потом основой системы континентального права, а «Кодекс» императора Юстиниана послужил образцом для гражданских и уголовных кодексов европейских стран.

мгновенно голословно заявляет о «нарушении правил» (не предъявляя фактов) и объявляет о своем «праве наказывать нарушителя» [16].

Казалось бы, отход от «конкретики» в пользу неких «приверженностей» и «убеждений» не характерно для *Common Law*, как пишет о нем Р.Давид и К.Жоффре-Спинози (см. выше), скорее, наоборот, это — игнорирование его основ. С этим, однако, нельзя согласиться, ибо главная цель англосаксонской идеи права — это всегда конкретная польза (в том виде, в каком ее понимает правоприменитель), тогда как главный метод — избирательность. За примерами далеко ходить не надо.

В 1903 г. Соединенные Штаты поддержали требование части населения колумбийской провинции Панама об отделении от Колумбии, в одностороннем порядке признали новообразовавшуюся Республику Панама и заключили с ней «Договор Хея — Бюно-Варильи» [17]. Согласно этому договору, новое государство предоставляло США «на вечные времена» часть своей территории для строительства стратегического канала между Атлантическим и Тихим океанами. Сооружение Панамского канала (официально открыт 12 июня 1920 г.) позволило американскому флоту максимально расширить зону своего контроля над Западным полушарием и распространить ее далеко за пределы карибского и центральноамериканского субрегионов. Зона Панамского канала — колониальный анклав в центре суверенного государства, в которой располагались многочисленные военные базы США, просуществовала до 1 января 2000 г., когда она была возвращена Панаме в соответствии с Договором Торрихоса — Картера 1977 г.

В основе описанного выше казуса лежало признание Вашингтоном права народа Панамы на самоопределение, которое в свое время отстаивали американские колонисты в борьбе с английским господством. Именно с этим принципом президент США Вудро Вильсон (1913—1921 гг.) выступал на Версальской мирной конференции 1919 г., и именно он был закреплен в 1945 г. на Сан-Францисской конференции в Уставе ООН наряду с другими основополагающими принципами международного права. После полосы признания независимых государств Азии и Африки в 60-е годы прошлого века принцип «самоопределения наций и народов» окончательно утвердился в мировой практике. Но англосаксонские политики продолжали рассматривать международное право не как цель (построение мирового порядка, основанного на праве), а как средство обеспечения конкретного интереса.

Почти полным аналогом истории Панамского канала стали события вокруг «частично признанного» государства Косово в 1999 г. Выступая за право на «самоопределение» косовских албанцев, Вашингтон, пошел на бомбардировки Белграда, совершив, тем самым, первую вооруженную акцию такого рода в Европе после Второй мировой войны. Вскоре в откололом от Югославии крае Косово США создали крупнейшую на Балканах базу НАТО. В июле 2010 г. Международный суд ООН вынес постановление о «соответствии одностороннего провозглашения независимости временными институтами самоуправления Косово нормам международного права», которое поддержали десять судей этого органа [18]. Однако, руководствуясь собственными мотивами, Вашингтон заявил о том, что Косово — это «особый случай, который не может рассматриваться как прецедент». То есть, для «пользы дела» США согласились проигнорировать са-

му прецедентную основу «*Common Law*». Это открыло перед ними поистине неограниченные возможности для проведения политики «двойных стандартов», которую раньше неоднократно успешно практиковала Великобритания.

Сама Великобритания неоднократно в прошлом подавала примеры применения принципа «двойных стандартов». В XX в. наиболее яркими проявлениями взаимоисключающих трактовок «права на самоопределение» стала политика Лондона в отношении коренного населения острова Диего-Гарсия, а затем — жителей Мальвинских (Фолклендских) островов.

В 1966 г. Лондон сдал в аренду США на 50 лет свою колонию — остров Диего Гарсия в Индийском океане, который входит в архипелаг Чагос, предварительно выселив оттуда в принудительном порядке все население. Не говоря о том, что Великобритания грубо нарушила Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятую ООН в 1960 г., она полностью проигнорировала право жителей острова на самоопределение. США незамедлительно создали на Диего-Гарсия военную базу, способную принимать крупнотоннажные военные корабли, включая авианосцы и стратегические бомбардировщики B-52. В 2000 г. Верховный суд Великобритании подтвердил, что выселение было незаконным, и что бывшие жители острова имеют право вернуться на остров [19]. Великобритания, однако, заявила, что это будет невозможно из-за договора, заключенного с США. В 2004 г. Лондон издал два указа, запрещавшие бывшим жителям Диего-Гарсия вообще когда-либо вернуться в их дома. В феврале 2019 г. уже Международный суд ООН обязал Великобританию передать контроль над группой островов Чагос, включая Диего-Гарсия, государству Маврикий и «завершить деколонизацию территории с учетом реализации права жителей на самоопределение» [19]. Однако «воз и ныне там», потому что база США на Диего-Гарсия позволяет Вашингтону жестко контролировать большую часть Индийского океана [20].

Прямо противоположным образом Лондон повел себя в споре с Аргентиной за Мальвинские (Фолклендские) острова, о. Южная Георгия и Южные Сандвичевы острова в Южной Атлантике. После англо-аргентинской войны 1982 г., в которой Аргентина потерпела поражение, спор так и остался нерешенным. В своей политико-правовой аргументации Аргентина исходит из факта незаконного захвата островов британцами в 1833 г. и опирается на принципы территориальной целостности и деколонизации Устава ООН. Великобритания же апеллирует к праву на самоопределение проживающих там потомков переселенцев с Британских островов (всего около 1800 человек). В 2013 г., т.е. спустя 31 год после окончания войны, Лондон решил закрепить итоги своей победы, проведя на Фолклендах референдум, в результате которого 98% жителей высказались за то, чтобы остаться подданными британской короны. С 1982 г. на острове действует крупнейшая база НАТО в Южной Атлантике, способная принимать транспортные самолеты «Геркулес» [21].

Хочется отметить, что после голосования в ООН 24 марта 2014 г. по резолюции, которая осуждала Россию за «нарушение территориальной целостности Украины», тогдашний президент Аргентины Кристина Фернан-

дес де Киршнер (2007—2015 гг.) назвала «абсурдной» ситуацию, когда «волеизъявление» 1800 жителей Мальвин было признано законным, а голосование 98% народа Крыма (2,2 млн человек) на референдуме за присоединение к России — нет [22].

Оставив в стороне споры о том, какую группу людей следует считать «народом» или «нацией», а какую — нет, необходимо отметить следующее: историческая и культурно-психологическая укорененность «монроистского менталитета» в США и других странах англосаксонского мира не позволяет рассчитывать на изменение этой ситуации ни сейчас, ни даже в отдаленном будущем. Государства этой группы всегда будут подменять международное право соображениями политической целесообразности, а в ответ на предъявляемые претензии отделяться словами: «Это — другое!».

Но это, действительно, «другое»! Это — иное правосознание и другая политическая культура. Не больше, но и не меньше. И подходить к этому явлению следует, на наш взгляд, *sine ira et studio**. Главный же вывод из всего сказанного заключается в том, что понимание данного непреложного факта поможет нам, наконец, перестать «удивляться» и считать, порой с изрядной долей наивности, что релятивистское отношение англосаксов к международному праву — это следствие текущей политической конъюнктуры, и оно со временем «пройдет». «Пройдет», но, очевидно, только в том случае, если праву силы будет противопоставлена аналогичная сила. Нам, в первую очередь, следует отказаться от соблазна видеть в англосаксах «себе подобных» по образу мыслей, поведенческим характеристикам и культуре политического общения. Что, несомненно, позволит в будущем избегать таких запущенных ситуаций («когнитивных диссонансов»), на которые придется реагировать радикальными методами. На наш взгляд, следует отказаться от «благородной» цели наладить с США отношения «партнерства, а в перспективе — союзничества», как это было заявлено в Концепции внешней политики России 1993 г. Если такое «партнерство» и возможно, то лишь по отдельным направлениям с равным и взаимообусловленным интересом. Одновременно надо задуматься (процесс уже «пошел») над тем, чтобы всемерно укреплять связи русского мира с представителями тех цивилизационных архетипов Азии, Африки, Латинской Америки и, наконец, близких нам по правосознанию стран континентальной Европы, которые готовы (или когда-нибудь будут готовы) разделять с нами общие представления о новом международном порядке, основанном на праве. Примерами такого рода изобилует практика последних лет. Среди наиболее ярких — отказ Мексики и Чили поддержать в 2003 г. в Совете Безопасности ООН резолюцию о вторжении в Ирак, несмотря на давление со стороны Соединенных Штатов, и факт пребывания в течении семи лет австралийского журналиста Дж.Ассанджа в посольстве Эквадора — небольшой южноамериканской страны, для которой соблюдение принципа дипломатического убежища долгое время было весомее «политической целесообразности».

* «Без гнева и пристрастия» (лат.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Согрин В.В. Американская цивилизация. М., Весь Мир, 2020, 250 с. [Sogrin V. Amerikanskaya tsivilizatsiya. [American Civilization]. Moscow, Ves Mir, 2020, 250 p. (In Russ).
2. Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. [Kontseptsia vneshnei politiki Rossiyskoi Federatsii. [Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation, 31 of March 2023]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (accessed 18.05.2022).
3. Давид Р., Жоффре - Спинози, К. Основные правовые системы современности. М., Международные отношения, 2009, 113 с. [David, R., Jaufffret-Spinosi, C. Osnovnye pravovye sistemy sovremenности [Main Legal Systems of the Modernity], Moscow, Meshdunarordye otnosheniya, 2009, 453p. (In Russ).
4. Meyer C. Getting Our Way. 500 Years of Adventure and Intrigue: the Inside Story of British Diplomacy. London, Phoenix, 2009, 288 p.
5. Льюис Р. Столкновение культур. М., Манн, Иванов и Фербер, 2013, 640 с. [Lewis, R. Stolknovenie kultur. [Leading Across Cultures]. Moscow, Mann, Ivanov y Farber, 2013, 640 p. (In Russ).
6. Закариа Ф. Постамериканский мир будущего. М., Европа, 2009, 280 с. [Zakharia, F. Postamerikanskii mir budushego. [The Post-American World]. Moscow, Evropa, 2009, 280 p. (In Russ).
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в шести томах. Том 5. Критика, история, публицистика. М., ОГИЗ, 1947, 734 с. [Pushkin, A.S. Complete works in VI volumes. Kritika, historia, publitsistika [Critics, History, Journalism], T.V. Moscow, OGIZ, 1947, 734 p. (In Russ).
8. Баталов А.А. Антропология международных отношений. М., Аспект Пресс, 2018, 350 с. [Batalov A.A. Antropologia meshdunarodnykh otnoshenii. [Anthropology of International Relations] Moscow, Aspect Press, 2018, 350 p. (In Russ).
9. Кочетков В.В. Идентичность и культура в современных международных отношениях. М., МГУ, 2015, 315 с. [Kochetkov V.V. Identichnost i kultura v meshdunarodnykh otnosheniyah. [Identity and Culture in International Relations]. Moscow, MGU, 315 p. (In Russ).
10. Лазарев М.И. Проблемы Латинской Америки и международное право. Т.1-2. М., РАН, 1995 [Lazarev, M.I. Problemy Latinskoi Ameriki i meshdunadornoye parvo. [Problems of Latin America and International Law]. T.1-2. Moscow, 1995 (In Russ).
11. Мнацаканян М.О. Культуры, этносы, нации. М., МГИМО, 2005, 350 с. [Mnatsakanyan, M.O. Kultury, etnosy, natsii. [Cultures, Ethnos's, Nations]. Moscow, MGIMO, 2005, 350 p. (In Russ).
12. Сергеева, А.В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., Наука, 2005, 313 с. [Sergeeva, A.V. Russkie. Stereotipy povedeniya, traditsii, mentalnost. [Russians: Stereotypes of the Behavior, Traditions, Mentality]. Moscow, Nauka, 2005, 313 p. (In Russ).
13. Тишков, В.А., Шабаяев, Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. М., МГУ, 2013, 410 с. [Tyshkov, V.A., Shabayev, Yu.P. Etnopolitologia. Politicheskiye funktsii etnichnosti [Ethnopolitology. Political Functions of the Ethnicity]. Moscow, 2013, 410 p. (In Russ).
14. Туманов, В.А. Буржуазная правовая идеология. М., Наука, 1971, 378 с. [Tumanov, V.A. Burshuaznaya pravovaya ideologia. [Bourgeois Juridical Ideology]. Moscow, Nauka, 1971, 378 p. (In Russ).
15. Мартынов, Б.Ф. «Доктрина Монро как воля и представление Соединенных Штатов Америки». *Международная жизнь*. М., 2022, №11, сс. 46-58. [Martynov, B.F. Doktrina Monro kak volia i predstavlenie Soedinennykh Shtatov Ameriki. [The Monroe Doctrine as a Will and Conception of the United States of America]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. Moscow, 2022, N 11, pp. 46-58 (In Russ).
16. Лавров С.В. «О праве, правах и правилах». *Россия в глобальной политике*. М., 2021, №4, сс. 15-25 [Lavrov, S.V. O prave, pravakh y pravilakh. [On the Law, the Rights and the Rules]. *Rossiya v globalnoi politike*. Moscow, 2021, N4, pp. 15-25. (In Russ).
17. Convention for the Construction of a Ship Canal (Hay-Bunau-Varilla Treaty), November 18, 1903. *Yale Law School*. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/pan001.asp (accessed 15.04.2023).
18. International Court of justice. Advisory Opinion. Accordance with the International Law of the Universal Declaration of Independence in Respect of Kosovo. Available at: <https://archive.org/details/5975773-National-Security-Archive-International-Court-of> (accessed 15.05.2023).

19. Суд ООН обязал Лондон передать Маврикию архипелаг Чагос. Известия, М., 26.02.2019. [Sud OON obiazal London peredat' Mavrikiyu arhipelag Chagos. [The UN Court ordered London to transfer the Chagos Archipelago to Mauritius]. *Izvestia*. Moscow, 26.02.2019 (In Russ).

20. Мальвины: колониальная война XX века. М., ИЛА РАН, 1984, 193 с. [Malvyny: kolonialnaya voina XX veka [Malvinas: The Colonial War of the XXth cntury]. Moscow, ILA RAN, 1984, 193 p. (In Russ).

21. Безerra М. Как далеко намерена продвинуться НАТО? *Международная Жизнь*. М., 2016, №3, сс. 76-79. [Bezerra M. Kak daleko namerena prodvinut'sya NATO? [For How Long the NATO wants to Move on?]. *Mezhdunarodnaya Zhizn*. Moscow, 2016, N3, pp. 76-79 (In Russ).

22. Аргентинский президент осудила отказ Запада признавать итоги референдума в Крыму. *Pravda.ru*. 18.03.2014. [Argentinskij prezident osudila otkaz Zapada priznavat' itogi referendum v Krymu. [The Argentine president condemned the West's refusal to recognize the results of the referendum in Crimea]. *Pravda.ru*. 18.03.2014. Available at: <https://www.pravda.ru/news/world/1199975-kirshner/> (accessed 15.05.2023) (In Russ).

Boris F.Martynov (bfmartynoff@gmail.com)

Doctor of Political Sciences. Professor of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Prospect Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation

Phenomena of “monroism” and “cognitive dissonances”

Abstract. The article, prepared for the 200th anniversary of the Monroe Doctrine deals with the specific characteristics of the legal and political cultures of the West, headed by the USA, which drastically differ from the Russian and the Latin American corresponding cultures. The author comes to the conclusion, that the phenomena of “monroism”, based on the Anglo-Saxon legal system, has a constant character, and, having been transformed through the times, is always present in the political practices of the USA and other countries of the Anglo-Saxon world. Using precedents, this system incites its user to gain maximum profit, while its method is selectivity. This leads to the “loosely” used policies of the double standards. The author gives examples of such, comparing the cases of Panama (1903) and Kosovo (1999). He also mentions the politics of the Great Britain with respect of the native population of the Diego Garcia Island (1966) and the Falkland (Malvinas) isles (1982-2013). The author thinks, that one cognitive dissonances, based on the differences in the legal conscience between the Russian and the Anglo-Saxon “worlds” have objective and constant character, while not admitting this circumstance would be an error. In his next article the author plans to through light on the common features that Russia share with the legal and political culture of the Latin American countries, which contribute to their more active cooperation in the international politics.

Key words: contemporary legal systems, legal conscience, Anglo-Saxon “world”, the Monroe Doctrine.

DOI: 10.31857/S0044748X0029112-2

Received 19.05.2023.